

современности аффективно-когнитивного процесса переживания является эмоция, чувственной тканью значения *ситуативности* аффективно-когнитивного процесса является состояние, чувственной тканью значения *дискретности* – чувство, чувственной тканью значения *долговременности* – отношение. В заключении отметим актуальность и необходимость дальнейшего исследования категории времени как детерминанта значения в русском языковом сознании.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику. – М., 2001. – С. 112-136.
2. Гансвинд И.Н. Толковый словарь по темпорологии // Время // http://www.chronos.msu.ru/TERMS/gansvind_vremya.htm.
3. Кравченко С. Взаимодействие с будущим и технология предвидения. – М., 2007. – 147 с.
4. Лейбниц Г. Соч.: в 4 т. – М., 1982.
5. Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения: в 2-х т. – М., 1983. – 709 с.
6. Леонтьев А.Н. Философия психологии: из научного наследия. – М., 1994. – С. 34-35.
7. Стрелков Ю.К. Время, деятельность, образ мира. МГУ им. М.В. Ломоносова // Доклад 6 февраля 1998 года // <http://flogiston.ru/projects/articles/strelkov.shtml>.
8. Тарасов Е.Ф. Статус и структура теории речевой коммуникации // Проблемы психолингвистики. – М., 1975. – С. 139-155.
9. Barbour J. (1999) The End of Time. Weidenfeld & Nicolson, 2000; New Scientist magazine, v. 164, is.2208.
10. Jung, C. G. (1951). Aion: Researches into the Phenomenology of the Self (Collected Works Vol. 9 Part 2). Princeton, N.J.: Bollingen.
11. Kobelev L. Irreversible Universe as a Space-Time with Multifractal Dimensions. XXIV Workshop of High Energy Physics and Field Theory. Protvino, 2001.

УДК 80

Трафименкова Т.А.
Брянский медицинский колледж
им. академика Н.М. Амосова

**НОМИНАЦИЯ ДЕРЕВЬЕВ КАК СРЕДСТВО
АНТРОПОМОРФНОЙ СИМВОЛИЗАЦИИ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ***

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению номинаций деревьев как средства антропоморфной символизации в русской поэзии. Дается сравнительно-сопоставительный анализ выделения лексико-семантической группы «деревья» как самостоятельной в различных лексикографических изданиях, начиная с древности и заканчивая современными семантическими словарями. Номинации деревьев рассматриваются с разных позиций: как прямое и как символическое отражение действительности. Подробно представлены сравнения дерева в поэтической речи с человеком, животными, вымышленными человекоподобными существами, за которыми стоит антропологический подход человека к окружающей действительности. Все приводимые доводы подтверждаются обширным иллюстративным материалом, отобранным из поэтических текстов.

Ключевые слова: семантический словарь, номинация, символ, антропоморфизм, мета-

форическое переосмысление, поэтический текст.

T. Trafimenkova
Bryansk Medical College named after Academician N. Amosov

THE NOMINATION OF TREES AS A MEANS OF ANTHROPOMORPHOUS SYMBOLIZATION IN THE RUSSIAN POETRY

Abstract. The article considers the nomination of trees as a means of anthropomorphic symbolization in Russian poetry. There is the comparative analysis of distinguishing the lexical-semantic group «trees» as an independent one in various lexicographical publications both in ancient times and in modern semantic dictionaries. The nomination of trees is examined from two different positions: as a direct and as a symbolic reflection of reality. The article presents the comparison of a tree to a man, animals, inanimate objects, invented anthropoid creatures in poetic speech in detail. The comparison reveals the anthropocentric approach of the man to the surrounding reality. All the reasons stated in

* © Трафименкова Т.А.

the article are corroborated with extensive illustrations taken from the poetic texts.

Key words: semantic dictionary, nomination, symbol, anthropomorphism, metaphorical interpretation, poetic text.

Образ дерева с давних времен является значимым для русской культуры. На протяжении многих веков людей и деревья всегда связывали родственные и дружеские узы. Раненый воин шел к дубу, чтобы вновь обрести силы; женщина, чтобы быть счастливой в семье и родить здорового ребенка, шла к липе; девушка, чтобы жизнь ее сложилась удачно, – к березе. Не случайно появилось выражение, что человек в своей жизни должен построить дом, посадить дерево и воспитать ребенка. Посаженное дерево воспринимается как связующая нить поколений, объединяющая прошлое, настоящее и будущее. Поэтому справедливо замечание В.А. Масловой, что, «соединяя глубину и высоту не только в пространстве, но и во времени, дерево выступает как символ памяти в прошлом, образ самой вечности» [5, с. 118].

Образ дерева, воплощаясь в различных формах и видах культуры (живописи, мифологии, обрядах, традициях, религиозных представлениях и т. д.), находит свое выражение в языке. Поэтому вполне закономерно, что в современных идеографических словарях выделяется лексико-семантическая группа слов, объединенных общим понятием «дерево»: «многолетнее растение с твердым стволом и отходящими от него ветвями, образующими крону» [8, с. 524]. Если обратиться к истории лексикографии, то интересно отметить, что вышедший в 1803 г. (второе издание в 1819 г.) «Словарь, содержащий употребительнейшие и нужнейшие слова в общежитии на Французском, Немецком и Российском языках, в пользу начинающих учиться сим языкам...» И.А. Гейма эту тематическую группу вообще не выделяет, хотя уже во второй книге санскритского словаря «Амарокоша» (впервые вышел между II и III вв. н. э., полностью издан на английском языке в 1808 г.) одна из секций носит название «Деревья разных пород». Конечно, истоки выделения данной лексико-семантической группы относятся к более древнему периоду и связаны с именем древнеэллинского философа и ученого, ученика и друга Аристотеля, Феофраста (372 – 288 гг. до н.э.), который выделил деревья и кустарники в отдельную группу растений и дал им для того времени исчерпывающие определения.

Так, в своем «Исследовании о растениях» он пишет: «Первыми и самыми главными видами, охватывающими почти все растения или большинство из них, будут деревья, кустарники, полукустарники и травы. Дерево – это то, что дает от корня один ствол со множеством веток и узлов и не легко погибает... Кустарник дает множество веток прямо от корня... Полукустарники дают от корня много стволов и множество веточек...» [9, с. 20].

Авторы современных идеографических и семантических словарей последовательно выделяют деревья в отдельную лексико-семантическую группу, но придерживаются различных подходов в их классификации. Так, в «Идеографическом словаре русского языка» О.С. Баранова в разделе «Систематика растений» в группе плодовые культуры можно обнаружить такое определение: «дерево – это культурное растение, имеющее сочный плод» [2, с. 460]. В зависимости от вида плода деревья далее подразделяются на семечковые-плодовые, косточковые и ягодные. Так как номинации в словаре собраны в гнезда (семьи) по смыслу и группируются вокруг некоторого понятия (идеи), с которым они связаны чаще всего видовыми отношениями, то названия таких деревьев или кустарников (они в отдельную группу в словаре не выделяются вообще), как рябина, облепиха, боярышник, можно найти в разделе дилленииды под названием ивовые. На наш взгляд, такая классификация затрудняет поиск необходимой номинации и является недостаточно полной, так как остается непонятно, к каким разделам или группам можно отнести, например, березу, клен, ясень, липу, ель, сосну и т. п.

Плодоношение деревьев учитывается при их систематизации в «Семантическом словаре русского языка» под ред. Н.Ю. Шведовой, где деревья и кустарники относятся к высшим растениям и подразделяются на дающие съедобные плоды (фруктовые, ягодные, орехоплодные, маслины) и не дающие таковых (лиственные и хвойные).

Таким образом, в словарях наблюдается четкое и строгое фиксирование номинаций деревьев в соответствии с принятой классификацией. Другое дело обиходная и поэтическая речь. Здесь накладывает свой отпечаток антропоцентрический подход, и очень часто сама номинация несет в себе отношение к тому или иному дереву, употребляясь в прямом или переносном смысле. Остановимся подробнее на употреблении номинаций, называющих различные деревья, в поэтической речи.

На наш взгляд, в поэзии по способу употребления номинаций деревьев можно выделить две группы: названия, употребляющиеся в прямом значении, и номинации, выступающие как средство антропоморфной символизации, т. е. это те случаи, когда деревья выступают в качестве символов. Примеров прямого употребления названий деревьев в поэтических текстах можно встретить множество. Например, «Прозрачный лес один чернеет, / И ель сквозь иней зеленеет», – читаем мы у А.С. Пушкина. Здесь дерево выступает как неотъемлемый атрибут пейзажа. Кроме того, номинации деревьев могут участвовать в создании атмосферы определенного времени года, выступая его неизменными атрибутами, кроме того, деревья принимают на себя и печать эмоционального состояния лирического героя, демонстрируют созерцательность его настроения, способность видеть красоту в окружающем мире, радоваться и грустить вместе с природой: «Запахнет тополем волнующе. / Вздыхаешь, говоришь: Весна...» (А. Твардовский), «Капустная синяя свежесть. / И красные клены вдали» (А. Жигулин), «Еще не распустился лист – / Пуста березовая крона...» (С. Куняев).

Некоторые поэты не только созерцают красоту природы, но и относятся к ней по-хозяйски, и это находит выражение в их поэзии: «...лист хорош кленовый / Хлеб сажать хозяйке в печь», «...не может клен для сруба / Так, как дуб, столбом служить» (А. Твардовский).

Но, конечно же, в поэзии большую группу образуют номинации, выступающие как средство антропоморфной символизации. Отметим, что антропоморфизм в «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой определяется как «перенесение присущих человеку свойств на явления природы» [7, с. 26], а символ — это «то, что служит знаком какого-либо понятия, явления, идеи» [7, с. 717].

На наш взгляд, образное изречение Л. Блумфилда «язык – это книга увядших метафор» верно в том смысле, что большинство значений слов является метафорическими, которые со временем перестают восприниматься таковыми. Одни из них становятся стертыми метафорами, другие – символами.

Итак, деревья в лирических текстах сравниваются либо с человеком, либо с неодушевленными предметами. В этом случае названия конкретных видов деревьев наполняются особым содержанием благодаря тому, что имеют

сходные признаки, которые подходят для метафорического переосмысления.

Авторы в своих стихотворениях многократно обращаются к образу березы, которая стала поэтическим символом России. Ведь вся жизнь россиян была тесно связана с этим удивительным деревом, занимавшим ни с чем не сравнимое место в жизни русского человека: «Под березами пели, женили, / Выбирали коней на торгах; / Дорогих матерей хоронили, / Так, чтоб были березы в ногах» (Шестинский).

Береза – неотъемлемая часть родной природы, и, безусловно, именно поэтому ощущение Родины находит отражение в эмоциональном наполнении этого образа и обогащает тем самым символический компонент его значения. Так, например, с большим трепетом и любовью относится к березе М.Ю. Лермонтов, для которого Родина неразрывно связана с понятием семьи, отсюда возникает сравнение нескольких березок с четой: «Люблю дымок спаленной жнивы, / В степи ночующий обоз / И на холме средь желтой нивы / Четую белеющих берез».

Вполне естественно, что в поэтической речи самое большое число образных параллелей связано с образом женщины. Для того чтобы передать свое восхищение, любование женщиной, представить ее образ более ярко, поэты используют в своих лирических произведениях образ дерева. Метафорическое переосмысление позволяет не только сравнить женщину с тем или иным деревом, но и получить красивый поэтический образ, воспевающий красоту и женщины, являющейся источником вдохновения поэта, и красоту родного края, неразрывно связанную с образом дерева.

Именно поэтому береза ассоциируется с образом жены («...И утратив скромность, / Одуревши в доску, / Как жену чужую, / Обнимал березку» – С. Есенин), невесты («Березки встали в ряд невест...» – И. Северянин), школьницы («Березы, вы школьницы, / Полно калякать, / Довольно скакать, / Задирать подошвы» – Н. Заболоцкий), просто девушки или женщины («Улыбнулись сонные березки, / Растрепали шелковые косы, / Шелестят зеленые сережки, / И горят серебряные росы» – С. Есенин; «Так и хочется к телу прижать обнаженные груди берез» С. Есенин). Кроме того, береза сравнивается с положительными сказочными персонажами («Но всех милей мне девушка-береза, / Пришедшая из сказок и былин, / Снегурочка, любимица мороза, / Аленушка пригорков и равнин» – Р. Рождес-

твенский), что говорит о любви народа к этому дереву.

Положительное отношение к женщине выражается и через образы ивы, черемухи, ели, вербы, лозы, ольхи.

Образ ивы становится выразителем простоты, смиренности, женской скромности («В просинь вод загляделись ивы,/ Словно в зеркальце девка-краса» – Н. Клюев), но от этого не теряет своей привлекательности («Так и хочется руки сомкнуть/ Над древесными бедрами ив» – С. Есенин). Цветущая черемуха уподобляется невесте в белом платье («Сияет невестой в белой сетке/ Черемуха моя!» – В. Хлебников). Стройные высокие ели также напоминают красивых статных девушек с точеной фигурой («Пригорюнились девушки-ели» – С. Есенин; «Прошла она, как елочка-/ Красива и стройна» – Н. Васильев). И даже уже «старая ольха» обладает женственностью («Только ты красива,/ Хоть давно суха,/ В кочках у залива/ Старая ольха./ Женственно глядишься/ В воду – в полусне/ И засеребришься/ Прежде всех к весне» – И. Бунин). Такой признак, как гибкость ветвей, характерная для лозы, дает возможность И. Бунину сопоставить дерево с образом красавицы («Ресницы смольные смежив,/ Закрывши дымные глаза,/ Окутав бедра кисеей,/ Ты улыбнулась, как лоза»). Верба в поэзии – это невестка, невеста, сестра. («Верба – невестка, молодка пригожая» – Н. Клюев; «Лишь белые вербы, как белые сестры,/ Глядят тебе вслед...» – Б. Окуджава).

Совсем другой образ женщины возникает, когда Н. Гумилев говорит о смоковнице, которая в христианской культуре является символом бесплодного, бесполезного («Я теперь, как мертвая смоковница,/ У которой листья облетели,/ Я ненужно-скучная любовница,/ Словно вещь, я брошена в Марселе»).

Авторы, ассоциируя в своих поэтических текстах деревья с людьми, наделяют их соответствующими качествами этих людей (возраст, социальное положение, религиозная принадлежность и т. д.). Так, осина – староверка («Осина смотрит староверкой,/ Как четки, листья обронив» Н. Клюев), ивы – монашки («И вызванивают в четки ивы – кроткие монашки» – С. Есенин), береза – школьница, сосна, ель – старуха («Старухи-ели задремали» Н. Клюев; «Словно белой косынкой/ Подвязалась сосна./ Понагнулась, как старушка,/ Оперлася на клюку...» С. Есенин), елка – барыня («Елка напыжилась барыней...» Б. Пастернак), маслина – рабыня («В саду мас-

лина простирает ветви... жестом рабыни» – М. Волошин), береза – вдова («И береза, как вдова, бледна от слез...» – Н. Клюев). Говоря об образах, создаваемых упоминанием деревьев, нельзя не вспомнить образ матери. Этот образ воплощается в красавице рябине, но окрашен грустью («За окном рябина,/ Словно мать без сына,/ Тянет рук сучье» – Н. Клюев).

Все выше рассмотренные примеры свидетельствуют о том, что образное переосмысление основано на грамматической категории рода у слов. Если слово женского рода, то реалии сравниваются с женским образом. Но иногда можно встретить и совсем неожиданные сравнения. Например, рябина, которая «словно мать без сына», сопоставляется с царем Давидом в поэзии М. Цветаевой, так как для нее именно этот образ является воплощением идеальной красоты, присущей этому дереву: «Ввысь, где рябина/ Краше Давида-царя».

Можно, однако, встретить примеры, когда номинация мужского рода ассоциируется с женским образом: «Кругом меня немые тополя,/ Как женщины завернутые строго» (В. Брюсов). Но это редкое исключение. В большинстве случаев грамматическая категория рода последовательно соблюдается, и названия деревьев, являющихся существительными мужского рода, в поэтических текстах соотносятся со словами, обозначающими лиц мужского пола.

Так, самым могучим деревом на Руси испокон веков считали дуб. На площадях городов и селений всегда росли большие дубы, под которыми происходили общественные собрания, вершили суд и тут же на ветвях дерева вешали приговоренных к смерти. По этому ассоциации, которые вызывает дуб, самые разнообразные: он и простой мальчишка («Огненно-рыжий дубок,/ стройный худой и лохматый» – А. Жигулин), и умудренный жизнью старец («Маститые, ветвистые дубы,/ Задумчиво поникнув головами,/ Что старцы древние на вече пред толпами,/ Стоят, как бы решая их судьбы» – А. Майков), и князь («О дуб, великий князь дубрав,/ Бушует ты, огромный, темный» – Л. Мартынов), и боярин («А дуб в кафтане рваном/ стоит на смерть готов,/ Как перед Иоанном/ Боярин Колычёв» – А. Тарковский), и даже патриарх, царь («Гляжу ль на дуб уединенный,/ Я мыслю: патриарх лесов/ Переживает свой век забвенный,/ Как пережил он век отцов» – А. Пушкин; «Дубы латунны, меднолаты,/ Когда созреют фонари,/ Они темны и бородаты,/

Как ассирийские цари» – О. Мандельштам).

Так как дуб всегда воплощал представление о большой духовной силе, именно это дает возможность Н. Гумилеву сопоставить его с пророком Моисеем: «Есть Моисеи посреди дубов...».

Аналогичную картину можно наблюдать и рассматривая употребление номинации тополь в поэтической речи. Тополь – князь («Тополи шагают, как великие князья» – Б. Окуджава), богослов («Весеннего Корана/ Веселый Богослов,/ Мой тополь спозаранок/ Ждал утренних послов» – В. Хлебников), просто гость («И тополя, как сдвинутые чаши,/ Над нами сразу зазвенят сильнее,/ как будто пьют за ликованье наше/ На брачном пире тысячи гостей» – А. Ахматова). Кроме того, поэты обращают внимание на биологическую характеристику этого дерева: у него листья с одной стороны темно-зеленые, а с другой – серебристые: «закрывается тополь взъерошенный/ серебристой изнанкой листа» (Н. Заболоцкий). Эта особенность позволяет создать метафорический образ двуличности, чередования белых и черных полос в жизни человека: «О боль сердечная, на миг яви изнанку,/ Как тополь с вывернутой на ветру листвою» (Кушнер).

Упоминаются в поэтических текстах и такие деревья, как кедр, клен, кипарис. Они тоже метафорически переосмысливаются, помогая создать цельные образы с ассоциацией по возрасту, роду занятий: кедр-старец («И Одеждою серой/ Кедр-старцы засерели» – И. Северянин), клен-сторож («Стережет голубую Русь/ Старый клен на одной ноге»; «И, как пьяный сторож, выйдя на дорогу,/ утонул в сугробе, приморозил ногу» – С. Есенин), кипарис-маг («Чернеют маги-кипарисы» – И. Бунин).

Так как метафорические образы строятся на сравнении с человеком, то вполне понятно, что деревья могут переживать такие же состояния, как и люди: «...а белые березы/ Роняют тихий дождь своих алмазных слез/ И улыбаются сквозь слезы» (И. Бунин); «На севере диком стоит одиноко/ На голой вершине сосна/ И дремлет, качаясь, и снегом сыпучим/ Одет, как ризой она» (М. Лермонтов); «Березы ждут.../ Они дрожат. Так деве новобрачной/ И радостен и чужд ее убор» (А. Фет).

Несомненно, что среди метафорических образов, созданных на основе сходства каких-либо признаков, преобладает сравнение дерева с человеком. Не так часто, но тем не менее можно встретить и метафору, основанную на

сходстве с образом животного. Например, белизна и черные полосы березы напоминают оперение сороки («Сорочьей черно-белой раскраской/ Рябеет вдруг прогиб ее ствола» – А. Твардовский), а ветви сосны – лисий хвост («В белом небе стыли кипарисы,/ И желтели дальние хребты, И качали сосны,/ Словно лисы,/ Длинные пушистые хвосты» – А. Жигулин). Такие сравнения позволяют в нескольких строках нарисовать очень яркую картину, создать красивый живой поэтический образ.

Кроме того, деревья могут сравниваться и с вымышленными человекоподобными существами. В самих номинациях, называющих этих существ, содержится сема положительного или отрицательного отношения к ним, так что в зависимости от этого дерево приобретает черты подобного существа. Так, цветущие яблони уподобляются ангелам в белых одеждах («Яблони – что ангелы – белы» – М. Цветаева), а образ березы наполняется непривычным эмоциональным содержанием («Как привидение, береза стоит, серея за окном» – И. Бунин).

Дерево может сопоставляться как с одушевленными лицами, так и с неодушевленными предметами, как правило, длинными, вертикально стоящими («Там черных деревьев стоят батальоны,/ Там елки как пики, как выстрелы – клены» – Н. Заболоцкий; «...И березы стоят, как большие свечки» – С. Есенин; «И тополь, как факел пахучий восстанет» – К. Бальмонт), а также с явлением природы («Как метель, черемуха/ Машет рукавом» – К. Бальмонт), абстрактными понятиями («Рябина!/ Судьбина горькая» – М. Цветаева), временем года («Для меня комаровские сосны/ На своих языках говорят/ И совсем как отдельные весны/ В лужах, выпивших небо, стоят» – А. Ахматова).

Все эти артефакты из мира людей (факел, свеча, пики и т. д.) лишь усиливают антропоморфность образов.

Таким образом, номинации растительного мира, называющие различные виды деревьев, в поэтической речи могут употребляться как в прямом, так и в переносном значении, а сам образ дерева может служить атрибутом пейзажей различных времен года и в то же время наделяться совершенно неожиданными для него качествами, являя собой символическое переосмысление, позволяющее создать красивые самостоятельные образы, подчеркнуть те или иные индивидуальные черты и порой представить очень яркое сравнение, привлекающее внимание читателей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Amarakocha, ou Vacabulaire d'Amarasiriha. Publ. en Sanscrit avec une traduc. francaise, des notes et un index par A. L. Deslongchamps. – Paris, 1839.
2. Баранов О.С. Идеографический словарь русского языка. – М., 2007. – С. 460.
3. Блумфилд Л. Язык // Пер. с англ. Е.С. Кубряковой и В.П. Мурат. – М., 2002.
4. Гейм И.А. Словарь, содержащий самые употребительнейшие и нужнейшие слова в общежитии на Французском, Немецком и Российском языках, в пользу начинающих учиться сим языкам. – М., 1819.
5. Маслова В.А. Введение в лингвокультурологию. – М., 1997. – С. 118.
6. Нет, весь я не умру: Шедевры русской лирики. – Калуга, 1999.
7. Ожегов, С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – М., 1999.
8. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Под общей ред. Н.Ю. Шведовой. – М., 1998.
9. Феофраст. Исследования о растениях. – Рязань, 2005. – С. 20.

УДК 81'42

Фадеева Т.М.

Московский государственный областной университет

ОСНОВНЫЕ ЕДИНИЦЫ, ВЫРАЖАЮЩИЕ ОПРЕДЕЛЯЕМЫЕ ОБЪЕКТЫ ПРИ СЛОЖНЫХ ЭПИТЕТАХ*

Аннотация. Данная статья освещает морфологическое разнообразие объектов эпитетации в эпифразах с участием сложных эпитетов, функционирующих в художественных текстах. На основе проведенного анализа выявляются наиболее активно используемые лексемы, среди которых выделяются как нарицательные существительные, так и имена собственные, отмечаются общезыковые и окказиональные единицы, указывается традиционный и инверсивный характер их употребления в зависимости от частеречной принадлежности. Прослеживается тенденция изменения объектов эпитетации в области художественного пространства на протяжении XVIII – XX вв.

Ключевые слова: сложный эпитет, эпифраза, объект эпитетации, антропонимы, композитные единицы.

T. Fadeeva

Moscow State Region University

THE MAIN UNITS EXPRESSING DEFINITE OBJECTS OF COMPOUND EPITHETS

Abstract. The article deals with the morphological variations of objects of epithetation in epiphrazes containing compound epithets functioning in fiction. On the basis of analysis the most active lexemes have become revealed among them, there are both common nouns and proper nouns, units wide spread in language

and used occasionally, the traditional and inverse character of their usage is pointed out depending on the parts of speech. The tendency of changing of the object of epithetation is investigated on the field of fiction of XVIII-XX century.

Key words: a compound epithet, epiphraze, an object of epithetation, antroponims, composite units.

Рассматривать собственно сложные эпитеты вне их связи с объектами эпитетации было бы некорректно, так как, во-первых, они находятся в теснейшей семантической и грамматической связи, а во-вторых, эстетически законченный образ создается единством двучастной структуры (определение – определяемое), то есть эпифразой. Принципиального различия между предметами, которые сопровождают в тексте простыми эпитетами, и теми единицами, что сочетаются со сложными, не наблюдается.

Все многообразие объектов эпитетации, номинирующих предмет, можно подразделить на несколько групп:

1. Узуальные единицы, выраженные нарицательными существительными. Среди них представлены все четыре типа: отвлеченные существительные (*железно-мертвая несокрушимость* (В. Жуковский), *мучительно-тягостное ощущение* (А. Серафимович), *сладоотрастно-ластящаяся красота* (В. Вересаев), *безлично-бледная глубина* (К.

* © Фадеева Т.М.